

расы, все болѣе отступаютъ на второй планъ передъ насущными требованіями вѣка. Тревожная современная мысль рѣже выливается въ законченныя формы. Желаніе все понять, все обнять, заставило писателей выйти изъ узкой колеи опредѣленныхъ теорій. Все чаще раздаются во французской критикѣ жалобы вожаковъ и ветерановъ ея на то, что личному *я*, прежде—даже у новаторовъ и отрицателей—скромно скрывавшемуся за предметомъ изслѣдованія, теперь отводится слишкомъ большое мѣсто. Однако изъ громкаго заявленія вѣковѣчныхъ правъ этого *я* возникаютъ произведенія, какъ „Фаустъ“. Все ближе подходитъ самая критика къ тому строю мысли, который дѣлаетъ возможной оцѣнку, если не возникновеніе, подобныхъ произведеній. Стоитъ указать на столько разъ разбираемый въ послѣдніе годы „Дневникъ“ Аміеля, умершаго въ Женевѣ профессора, критика и (посредственнаго) поэта. Студентъ двухъ нѣмецкихъ университетовъ, онъ является крайнимъ представителемъ германскаго склада мысли во французской литературѣ. Рефлексія въ немъ загубила творчество. По свидѣтельству французскихъ критиковъ Шерера и Бурже, его мучила потребность „совокупности“ (*totalité*), жажда найти абсолютное стремленіе къ безконечному. Онъ боится дать „неполный синтезъ“, потому не сосредоточивается въ одномъ произведеніи, въ которомъ могъ бы высказаться вполне, а постоянно дробится на мелочи. Однако Ренанъ говорить объ одномъ собраніи стихотвореній Аміеля: „Оно останется однимъ изъ лучшихъ выраженій того, что думалъ и чувствовалъ бѣдный XIX-й вѣкъ, который столько видѣлъ, если и не осуществилъ“.

Этими тенденціями дышетъ каждая страница его хотя и монотоннаго, но любопытнаго дневника, служащаго, по выраженію Бурже, увеличительнымъ стекломъ для изученія извѣстнаго склада современной мысли, а именно: германское міровоззрѣніе, свойственный ему анализъ и склонность къ мечтательности. „Мысль болѣе дѣйствительна, чѣмъ фактъ“, — говоритъ Аміель. „Жизнь есть символъ... Разумъ человѣка можетъ успокоиться только въ абсолютномъ, чувство — въ безконечномъ, а душа — въ томъ, что божественно“... Что закончено, то не соответствуетъ истинѣ: частное всегда одностороннее“ и т. д. У французскихъ писателей жизнь соответствуетъ опредѣленной и вполне ясной дѣйствительности; у Шекспира, Гёте и Карлейля жизнь является чѣмъ-то зыбкимъ, неопредѣленнымъ, постоянно нарастающимъ и разлагающимся. Согласно съ этимъ, и Аміель жалуется, что французскій языкъ не передаетъ всѣхъ оттѣнковъ